

нок, а также покоившуюся на этом основании социально-экономическую и политическую структуру республики Соединенных провинций. И эта обреченная политика была закреплена в экономико-публицистических трактатах де Ла Курта.

Уже в XVII в. исчерпываются и *революционные* возможности религиозных форм идеологии вообще, и кальвинизма в частности. В апологетике наживы, свойственной пуританизму, последний загоняет себя в безысходный тупик, перестает успешно маскировать классовую, эксплуататорскую сущность капитализма, а одновременно с прежней эффективностью служит целям идеологического порабощения эксплуатируемых народных масс.

Итак, три успешных революции совершаются в Европе в рамках мануфактурного периода. Их историческое место было очень четко определено К. Марксом, который писал: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»¹⁶. Было ли это только результатом их «национальных особенностей», более высокого уровня развития капитализма лишь в этих странах как таковых? Думаю, что это не так. В Великой буржуазной французской революции конца XVIII в. сказалась не только, а может быть не столько, бóльшая зрелость французского капитализма конца XVIII в. по сравнению с английским середины XVII в. и нидерландским второй половины XVI в. В ней проявилась гораздо более высокая зрелость нарождавшейся капиталистической мировой системы в целом. В ходе промышленного переворота она получила адекватную научно-техническую базу для капитализма, переходившего в свой новый, промышленный, фабричный период развития. Он был материализован в системе, обеспечивавшей себе победу уже во всемирном масштабе, со сложившимися собственными закономерностями. И эти последние проявились во Французской революции конца XVIII в. со всей их классической четкостью и всепоглощающей силой, какой бы они не обладали, находишься Нидерланды XVI в. или Англия XVII в. на таком же уровне экономического и социального развития, как Франция в конце XVIII в., но при отсутствии соответствующей степени зрелости всей системы. Каждому этапу исторического развития таковой соответствовала «своя» революция.

С комплексом этих явлений связано и еще одно важное качественное изменение. Процесс развития капитализма становился необратимым в континентальном масштабе и определяющим в мировом, а возможность обратимого варианта, тяготеющая над буржуазией мануфактурного периода, «снялась». Она модифицировалась в проблему динамики и форм буржуазного развития для тех стран, где еще более или менее прочно господствовали отживавшие свой век феодально-монархические режимы. Вместе со снятием проблемы обратимости буржуазные революции XIX в. в европейских странах теряют и свое значение

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 114.